

Это имя многим молодым незнакомо. Сегодня свои кумиры: Ирина Хакамада, Наталья Медведева, Елена Яковлева... А в 20 — 30-е годы у "всей Москвы" на устах было имя Зинаиды Райх. Замечательной артистки. Жены и матери двух детей поэта Сергея Есенина. Жены Всеволода Мейерхольда. Согласитесь, само сочетание звезд Есенина и Мейерхольда интриговало. И так, Зинаида Райх.

Венчание на Соловках

Она родилась 21 июня (3 июля) 1894 года в селении Ближние Мельницы подле Одессы в семье железнодорожника, машиниста. "Мама, — вспоминала Зинаида Райх, — из обедневших дворян, огорчалась: отец появлялся дома и чужаком. А он много кем и чем был: и думающим, и читающим, и из первых российских социал-демократов — сам он вышел из обрусевших немцев, рабочий-интеллигент".

В начале века многие интеллигенты бредили революцией. Хотелось перемен, обновления, правды, справедливости, красоты нового мира. Вот и Зинаида была безоглядно втянута в политическую борьбу, за что и была исключена из 8-го класса гимназии в Бендерах. Это ее не остановило. С 1913 года она — член партии социалистов-революционеров, а короче, эсеров. Никаких терактов Райх не совершала, а вела в основном пропагандистскую работу.

В качестве курсистки и эсерки (привычное сочетание для того времени) Райх переехала в Петроград, где работала в "Обществе распространения эсеровской литературы и газет" и одновременно техническим секретарем эсеровской газеты "Дело Народа". В газете она и повстречалась с Сергеем Есениным. Есенин той поры — юноша с выходящими светлыми волосами, аккуратно расчесанными. Любил ходить в синей поддевке, в красной шелковой рубашке и лакированных сапогах. Этакий русский щеголь.

Щеголь-то щеголь, а порой ночевать было негде, своего дома не завел. Работавший в газете журналист Иванов-Разумник позвонил однажды Зинаиде Райх с Сергеем Есениным и его приятелем Алексеем Ганиным и попросил ее устроить их на ночь на стульях в большом зале редакции. Редакционные ночевки повторялись не раз, и Райх шутливо жаловалась своей подруге Мине Свирской: "Вот не знаю, куда твоего воображалу с Алешей устроить. Эти великодушные стулья, обитые шелком, под ними разъезжаются".

"Воображала" — это Есенин, который не только ухаживал за Миной Свирской, но даже и считался одно время ее женихом.

Летом 1917 года, когда шла подготовка к выборам Учредительного собрания, Есенин убежал в Общество с предложением: "Мина, едемте с нами на Соловки. Мы с Алешей едем". Мина не согласилась: нельзя было бросить работу в Обществе. А Райх откликнулась, более того, она выложила на поездку заветную сумму, которую долго собирала. Естественно, у Есенина и Ганина денег не было, была лишь идея поездки: и вот вторым они отправились на Север.

Вспоминает Свирская. По приезду Райх писала какую-то служебную бумагу: "Она дописала и повернула в мою сторону написанную бумагу, указывая на свою подпись: Райх-Есенина. — "Знаешь, нас с Сергеем на Соловках попки обвенчал", — сказала она".

Редактор газеты "Дело Народа" Сергей Постников: "Однажды моя секретарша почему-то не пришла на службу. Пропала она три дня, а потом явился и на наши распросы радостно сообщила, что ездила с Сергеем в Шлиссельбург венчаться... Вскоре она ушла из редакции".

Мемуаристов частенько подводит память: Райх уезжала не на три дня, а на большее время, и венчалась она не в Шлиссельбурге, а согласно сохранившемуся документу в Кирилло-Углицкой церкви Вологодского уезда. Событие это произошло 4 августа 1917 года. Райх — 23 года, Есенин — 22 года, в сентябре ис-

своими бурями и потрясениями.

Как истинная женщина, она истово принялась вить семейное гнездо. Тогда ей хотелось простого женского счастья: муж, дети, дом... Несмотря на трудные времена (голод и холод), она делала многое, чтобы в доме было уютно и спокойно. Наняла квартиру на Литейной. Немного обставила ее. Бездомному прежде Есенину поначалу все это нравилось, и он говорил всем и каждому: "У меня есть жена". Александр Блок не без удивления отметил в дневнике: "Есенин теперь женат. Привыкает к собственности".

Когда "счастье" отошло в область преданий, Есенин, проходя как-то по улице с Николаем Никитиным, укажет ему на большой серый дом в стиле модерн и грустно скажет: "Я здесь жил когда-то... Вот эти окна. Жил с женой, в начале революции. Тогда у меня была семья. И был самовар, как у тебя. Потом жена ушла".

Почему ушла? Почему все рухнуло? Причины в самом Есенине. Райх уходить не хотела, да и кто уходит от мужа с двумя детьми (29 мая 1918 года родилась Татьяна, 3 февраля 1920 года — Константин).

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

Зинаида Райх: погасшая звезда

Сергей Есенин.

Но тихая семейная гавань противопоставлена, как правило, поэтам, а таким мятущимся, как Есенин, и подавно. Он входил в моду. Был постоянно окружен друзьями и вел истинно божественный образ жизни: вино, женщины, скандалы...

Будучи пьяным, Есенин часто "развязывал" руки. Галине Бениславской, своей верной и преданной поклоннице, поэт признавался: "... Я сам боюсь, не хочу, но знаю, что буду бить. Вас не хочу бить, вас нельзя бить. Я двух женщин бил, Зинаиду и Изадору, и не мог иначе, для меня любовь — это страшное мучение, это так мучительно. Я тогда ничего не помню, и в отношении вас я очень боюсь этого. Смотрите, быть вам

Пигмалион и Галатея

После расставания с Есениным Райх не пропала, не затерялась в суете жизни, а нащупала свою дорогу. Осенью 1921 года она стала студенткой Государственных экспериментальных мастерских, которые возглавлял знаменитый режиссер Всеволод Мейерхольд. Великий реформатор Мейерхольд собрал вокруг себя талантливого молодёжь, и, как пишет Константин Рудницкий, "Зинаида Райх сразу почувствовала себя среди своих в этой веселой стае ниспровергателей старого искусства". Ее душа как бы очнулась от тяжелого сна и потянулась навстречу людям.

Ко времени появления Зинаиды Райх Мейерхольд уже расстался со своей первой женой Ольгой Мунт. Красивая и способная ученица сразу покорила сердце мастера. Он был на 20 лет старше ее, и это тоже предопределило особый характер их отношений.

"Сколько ни почитал я на своем веку обожаний, но в любви Мейерхольда к Райх было нечто непостижимое, — писал киноматюрер Евгений Габрилович. — Неистовое. Немыслимое. Беззастенчивое и гневно-ревнивое... Нечто беспамятное. Любовь, о которой все пишут, но с которой редко столкнешься в жизни. Редчайшая. А если столкнешься,

жет быть, лучшую оценку дал ей Борис Пастернак, потрясенный постановкой "Ревизора" и написавший длинное восторженное письмо Всеволоду Эмильевичу. А в заключение: "... Я преклоняюсь перед Вами обоими и пишу Вам обоим, и завидую Вам, что Вы работаете с человеком, которого любите".

О, это было счастливое время, несмотря на весь ужас той эпохи. Творческие и любовные порывы Мейерхольда и Райх были едины, они жили, черпая друг в друге силы для каждого следующего шага вперед.

Муза Кантанивез, жена Федора Раскольников, вспоминала: "В наш предыдущий приезд в Москву мы были приглашены на обед к Мейерхольдам. Они только что вернулись из Парижа. Зинаида Николаевна, оживленно блестя "сплошь" черными глазами, показала мне бархат, купленный в Париже для Маргариты Готье. "Этот черный бархат мне так понравился, что я купила и для себя", — смеялась Зинаида Николаевна. Она казалась очень счастливой — в расцвете своей красоты и радости наконец сыграть роль настоящей женщины, влюбленной и несчастной. В овальной столовой, за элегантно сервированным столом, велась оживленная беседа... Мейерхольд казался довольным и рассказывал о своей трагедии пьесы Дюма, которую он хотел показать без своих обычных "выдумок". В Москве говорили, что Мейерхольду особенно хотелось показать красоту и шарм Зинаиды Райх. Казалось, ничто не грозило этим спокойным собеседникам, с интересом и вдохновением обсуждающим свои идеи и намерения. Никто не подозревал, что близко отсюда в недрах Лубянки, уже вставала тень, тень ужаса, муки и смерти..."

В 1928 году Мейерхольд и Райх переехали в кооперативный дом, построенный известным архитектором Рербергом в Брюсовском переулке, близ Тверской. Две небольшие квартиры слили воедино, и получилась одна — четырехкомнатная: кабинет Мейерхольда, гостиная (она же и столовая, она же и комната Райх, она же и так называемая "желтая комната"), маленькая комнатка Кости, чуть побольше — комната Тани Есениной.

В "желтой комнате" стоял овальный обеденный стол, стулья карельской березы, диван, тахта, дамский письменный стол Зинаиды Николаевны, буфет, трюмо, этажерка, рояль "Бехштейн". На стенах, где бледно-желтое поле было окаймлено тоненьким золоченым багетом, висели две картины: огромный портрет Райх, нарисованный углем Шестаковым, и полотно, подаренное Мейерхольду Фернаном Леже. Все было хорошо и удобно, но без всякой показной роскоши, что дало повод удивиться одному "эстрадному тузу": "Бедно, бедно живет ваш Мейерхольд!".

Богатство Мейерхольда и Райх было в другом: в интеллектуальном и дружеском общении. В "желтой комнате" не раз сидели писатели Андрей Белый, Борис Пастернак, Николай Эрзман, Илья Эренбург, Юрий Олеся, композиторы Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев, Виссарион Шабалин, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, художники Кузьма Петров-Водкин, Петр Кончаловский, академик Николай Вавилов, нарком Максим Литвинов, военачальники Михаил Тухачевский и Иван Белов, звезды западной культуры — Гордон Краг и Андре Мальро и другие. Много было молодежи: пианисты Лев Оборин и Владимир Софроничкин, поэты Борис Корнилов и Ярослав Смеляков. Сам Мейерхольд так объяснял разнообразный подбор своих гостей: "Я не люблю людей хороших, я люблю людей талантливых!".

Мейерхольд не только женился на Райх, но и усыновил ее детей: Татьяна и Костя выросли под его крылом. Вторая семейная жизнь Зинаиды Николаевны резко отличалась от первой. В первой остались тихая и покорная жена и божественно загулявший муж. Во второй — настоящая крепкая семья, любящие-богачи.

Обращение "Любимая!" не случайно. Многие современники отмечают, что Есенин любил Райх до самой своей

талант — Марии Бабановой. До прихода в театр Мейерхольда именно Бабанова была примадонной, но, как говорится, в одночасье все рухнуло. Райх была красива, заметна, умна, деятельна, честолюбива и скоро заняла видное положение при Мейерхольде. Сначала она всего лишь верная помощница мастера, затем — подруга и любимая жена. Любовь Мейерхольда к Райх была открытой, ей он отдавал предпочтение как актрисе, отодвигая Бабанову на второй план.

Однажды на репетиции, когда на сцене была Бабанова, оборвалась чугунная балка (такое случается в театре). Все в шоке. Вошла Райх. И Мейерхольд громко сказал: "Зиночка, как хорошо, что тебя здесь не было".

Согласитесь, красноречивый эпизод. Неудивительно, что с каждым месяцем, с каждым днем накалялось соперничество двух актрис. В "Ревизоре" они играли вместе: Райх — горничная, Бабанова — ее дочь. Бабанова потом признавалась: "Меня Райх так щипала, что у меня долго потом синяки не проходили!". О, эти театральные истории! Где подчас пьесы и жизнь тесно переплетаются между собой.

В довершение всего Мария Бабанова любила Мейерхольда как женщину, но молча и скрытно, боясь признаться в своем чувстве. И каково было ей видеть счастливую соперницу? В итоге ей пришлось расстаться со своим любимым режиссером. 24 августа 1925 года в "Новой вечерней газете" появилась заметка "Уход Бабановой".

Райх стала примой, что, конечно, не всех устраивало и вызвало целый прибой критической волны. Появились ругательные рецензии. Ругали не только игру, но и наряды Райх. Так, в "Известиях" некий Осинский писал: "Женам театральным директоров можно рекомендовать большую воздержанность по части туалетов, сменять которые при каждом новом выходе ни в "Ревизоре", ни в "Горе от ума" никакой необходимости нет".

В монографии "Портрет Зинаиды Райх" Рудницкий отмечает, что "московские сплетницы любили посудачить о немислимо роскошных" и "баснословных дорогих" туалетах Райх — не только сценических, но и "жизненных". На самом деле Райх одевалась скромно и недорого, не прибегая к услугам знаменитых портных, она просто хорошо знала "свой стиль" и тщательно обдумывала свои наряды — особенно вечерние, для дипломатических приемов".

Критические стрелы в Райх летели с разных сторон. Однажды Маяковский взял ее под защиту: "Вот говорят: Зинаида Райх. Выдвинули ее на первое место. Почему? Жена. Нужно ставить вопрос не так: он женился на ней, потому что она хорошая актриса".

Но это, конечно, очередной шутиливый парадокс Маяковского. А вот мнение гениального артиста Михаила Чехова — выше которого и быть не может.

"Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна! — писал Чехов в марте 1927 года. — Я все еще хожу под впечатлением, полученным мною от "Ревизора"... Всеволод Эмильевич бывает гениален, и в этом трудность совместной работы с ним. Если исполнитель Всеволод Эмильевича только поймет его — он погубит его замысел. Надо нечто большее, и это большее я увидел в Вас, Зинаида Николаевна... Что это большее в Вас — я не знаю, может быть, это сотворчество с Всеволодом Эмильевичем в данной постановке, может быть, Ваш природный талант — не знаю, но результат поразителен. Поражает меня Ваша легкость в исполнении трудных заданий. А легкость — первый признак настоящего творчества... Вы, Зинаида Николаевна, были великодушны".

А потом была знаменитая постановка Мейерхольда "Дама с камелиями". Поэт Илья Сельвинский вспоминал: "Кого не потряс в "Даме с камелиями" выход Зинаиды Райх? В красном платье, в черном цилиндре вбегала она

противоположностью Маргариты Готье. В том же, 1935 году, Мейерхольд поставил радиоспектакль "Каменный гость". Образ Донны Анны запомнившие воплотила Райх.

Готовились другие спектакли, но светлая полоса для Всеволода Мейерхольда и соответственно для Зинаиды Райх кончилась. Пошла черная полоса. Над театром Мейерхольда нависли тучи. Последовали запреты спектаклей. Критикой было запущено бранное словечко "мейерхольдовщина". Мастера стали обвинять во всех "смертных грехах", требовали от него покаяний, самобичеваний.

Ночное убийство

17 декабря 1937 года в "Правде" появилась статья "Чужой театр", а 7 января 1938 года Комитет по делам искусств принял постановление о ликвидации государственного театра им. Мейерхольда. В этот день Зинаида Райх в последний, 725-й раз сыграла Маргариту Готье. За 13 лет работы в ГОСТИМе она сыграла немногим более десяти ролей.

Обстановка в те годы была гнетущая, и многие жили под дамокловым мечом репрессий. Чуда не произошло, и 20 июня в Ленинграде был арестован Всеволод Мейерхольд. На документе, решившим судьбу великого режиссера, народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия синим карандашом (а это означало: расстрел) написал "Утверждаю".

В тот же день в Москве в квартире на Брюсовском был произведен обыск. Зинаида Николаевна была возмущена не только обыском, но и поведением тех, кто его проводил. В графе "Заявленные жалобы" она написала (такие дерзости обычно никто себе не позволял), что один из сотрудников допускал "грубый тон и огрызания". Проводивший обыск позже нагорело от их начальства "за недопустимость того, что в протокол заносится жалоба непосредственно обыскиваемым".

Это была последняя "роль" Зинаиды Райх: протест против униженной личности. А 24 дня спустя, в ночь на 14 июля 1939 года, Зинаида Николаевна была убита. Ей было 45 лет.

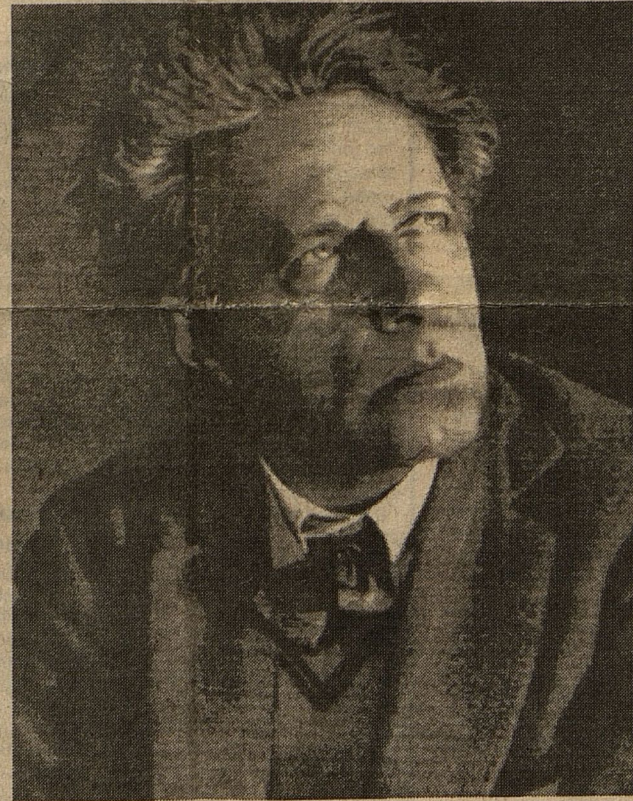
Внучка Мейерхольда от первого брака Мария Валентина вспоминает:

"После ареста деда Зинаида Николаевна осталась одна. Таня с годовалым сыном жила на даче в Горенках. Костя уехал из родины Есенина в Константиново. С Зинаидой Николаевной оставалась работница Лидия Анисимовна. Я была у Зинаиды Николаевны дня за два до ее гибели... Помню, Зинаида Николаевна лежала на диване, была очень возбуждена, говорила, что сделала глупость, написав письмо Сталину..."

Убийство произошло около часа ночи, когда Зинаида Николаевна выходила из ванны... Говорили, что их было двое. Зинаиде Николаевне было нанесено семнадцать ножевых ран, но ни одного ранения в область сердца не было. Окна были открыты, соседи по дому слышали ее душераздирающие крики, но никто не вышел, думали, что Зинаиду Николаевну пришли арестовывать, все ждали ее ареста, и все знали, что после закрытия театра у нее случались истерические припадки. Она была очень сильно физически, видимо, сопротивлялась. Выскочили из квартиры убийцы через парадную дверь, бежали по лестницам и оставляли на желтых стенах кровавые отпечатки, вытирали руки об стены. Никаких вещей, ничего они не взяли, не грабили... Когда приехала милиция и вошла в квартиру, Зинаида Николаевна была жива, находилась в сознании, с нее снимали допрос. Потом ее увезли в больницу к Склифосовскому, умерла она по дороге от потери крови. Работница Лидия Анисимовна ничего никогда никому не рассказывала, была арестована, потом освобождена и исчезла куда-то..."

Вот такая жуткая гибель,

женщины великих

Всеволод Мейерхольд.

Как я стоял, приближившись к стене; Вздвонно хожу вы по комнате И что-то резкое в лицо бросали мне. Вы говорили: нам пора расстаться, Что вас измучила моя шальная жизнь, Что вам пора за дело приниматься, А мой удел — катиться дальше вниз. Любимая! Меня вы не любили...

Обращение "Любимая!" не случайно. Многие современники отмечают, что Есенин любил Райх до самой своей

член партии социалистов-революционеров, а короче, эсеров. Никаких терактов Райх не совершала, а вела в основном пропагандистскую работу.

В качестве курьерки и эсерки (привычное сочетание для того времени) Райх переехала в Петроград, где работала в "Обществе распространения эсеровской литературы и газет" и одновременно техническим секретарем эсеровской газеты "Дело Народа". В газете она и познакомилась с Сергеем Есениным. Есенин той поры — юноша с выходящими светлыми волосами, аккуратно расчесанными. Любил ходить в синей поддевке, в красной шелковой рубашке и лакированных сапогах. Этаким русский щеголь.

Щеголь-то щеголь, а по-рой ночевать было негде, своего дома не завел. Работавший в газете журналист Иванов-Разумник познакомил однажды Зинаиду Райх с Сергеем Есениным и его приятелем Алексеем Ганиным и попросил ее устроить их на ночь на стульях в большом зале редакции. Редакционные ночевки повторялись не раз, и Райх шуточно жаловалась своей подруге Мине Свирской: "Вот не знаю, куда твоего воображалу с Алешей устроить. Эти великокняжеские стулья, обитые шелком, под ними развежаются".

"Воображала" — это Есенин, который не только ухаживал за Миной Свирской, но даже и считался одно время ее женихом.

Летом 1917 года, когда шла подготовка к выборам Учредительного собрания, Есенин бежал в Общество с предложением: "Миша, едем с нами на Соловки. Мы с Алешей едем". Миша не согласилась: нельзя было бросить работу в Обществе. А Райх отважилась, более того, она выложила на поездку заветную сумку, которую долго собирала. Естественно, у Есенина и Ганина денег не было, была лишь идея поездки. И вот вторым они отправились на Север.

Вспоминает Свирская. По приезду Райх писала какую-то служебную бумагу: "Она написала и повернула в мою сторону написанную бумагу, указывая на свою подпись: Райх-Есенина. — Знаешь, нас с Сергеем на Соловках полик обвиняют", — сказала она".

Редактор газеты "Дело Народа" Сергей Постников: "Однажды моя секретарша почему-то не пришла на службу. Пропадала она три дня, а потом появилась и на наши распросы радостно сообщила, что ездила с Сергеем в Шлиссельбург венчаться... Вскоре она ушла из редакции".

Мемуаристов частично подводит память: Райх уезжала не на три дня, а на большее время, и вечно была она не в Шлиссельбурге, а согласно сохранившемуся документу в Кирико-Улитовской церкви Вологодского уезда. Событие это произошло 4 августа 1917 года. Райх — 23 года, Есенину лишь в сентябре исполнится 22 года.

Еще раз обратимся к воспоминаниям Свирской: "... Зинаида сама стала рассказывать. Ей казалось, что если она выйдет замуж, то выйдет за Алексея. Что с Сергеем ее связывают чисто дружеские отношения. Для нее было до некоторой степени неожиданностью, когда на пароходе Сергей сказал, что любит ее и жить без нее не может, что они должны обвенчаться. На Соловках набрали на часовенку, в которой шла служба, и там их обвенчали. Ни Сергей, ни Алексей мне об этом ничего не рассказывали".

Вот так бывает нередко у подруг. Свирская должна была стать женой Есенина, а стала женой ее подруга Райх.

“А потом жена ушла”

Спустя 40 дней после венчания Зинаида Николаевна поместила в "Правду" письмо, что отныне она считает себя "вышедшей из партии социалистов-революционеров". Революционный период для Райх закончился, наступил семейный, и, разумеется, со

ушла". Почему ушла? Почему все рухнуло? Причины в самом Есенине. Райх уходит не хотела, да и кто уходит от мужа с двумя детьми (29 мая 1918 года родилась Татьяна, 3 февраля 1920 года — Константин).

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

Зинаида Райх: погасшая звезда

Сергей Есенин.

Но тихая семейная гавань противопоставлена, как правило, поэтам, а таким мятущимся, как Есенин, и подавно. Он входил в моду. Был постоянно окружен друзьями и вел истинно богемный образ жизни: вино, женщины, скандалы...

Будучи пьяным, Есенин часто "развязывал" руки. Галине Бениславской, своей верной и преданной поклоннице, поэт признавался: "... Я сам боюсь, не хочу, но знаю, что буду бить. Вас не хочу бить, вас нельзя бить. Я двух женщин бил, Зинаиду и Изадору, и не мог иначе, для меня любовь — это страшное мучение, это так мучительно. Я тогда ничего не помню, и в отношении вас я очень боюсь этого. Смотрите, быть вам битой".

Еще одна причина разрыва Райх с Есениным — окружение поэта. Их сын — Константин Сергеевич в письме к М. Ройзману от 2 декабря 1967 года объяснял причины разрыва отца со своей матерью, Зинаидой Николаевной Райх: "Безусловно, судя по рассказам матери и ее подруги — Зинаиды Вениаминовны Гейман, сыграли роль "друзья" отца из группы "мужиковствующих", неприязненно относившихся к матери. Она и сама относилась к ним с неприязнью, видя их тлетворное влияние на отца. Видимо, сыграла во всем этом деле роль и нерусская фамилия матери — Райх, которую она получила от своего отца — моего деда. "Мужиковствующие" настаивали на ее (еврейском) нерусском происхождении, в то время как мать у нее была русской (Анна Ивановна Викторова). Отец матери — Николай Андреевич Райх — железнодорожник, выходец из Силезии. Национальная принадлежность его затерялась в метриках прошлого века..."

Если бы Райх смогла отвести Есенина от его друзей и собутыльников, то она

абрилович. — Нейстовое. Немыслимое. Беззащитное и гневно-ревнивое... Нечто беспамятное. Любовь, у которой все пишут, но с которой редко столкнешься в жизни. Редчайшая. А если столкнешься,

Всеволод Мейерхольд.

Как я стоял, приближившись к стене; Возвратно ходили вы по комнате И что-то резкое в лицо бросали мне.

Вы говорили: нам пора расстаться, Что вас измучила моя шальная жизнь, Что вам пора за дело приниматься, А мой удел — катиться дальше вниз.

Любимая! Меня вы не любили... Обращение "Любимая!" не случайно. Многие современники отмечают, что Есенин любил Райх до самой своей смерти. В стихотворении "Собака Качалова" (1925) он просил Джимы:

Ты за меня лизни ей нежно руку За все, в чем был и не был виноват.

Ох, уж эти поздние рассказы! Поезд ушел. И можно комкать платок и обливать его слезами. Или писать проникновенные лирические строки, что и делал бедолага Есенин. Райх тосковать было некогда: она ставила детей на ноги. О благородстве ее натуры свидетельствует такой эпизод из воспоминаний Свирской:

"Райх вызвал секретаря райкома комсомола и обвинил в том, что она воспитала своих детей (Таню и Костю) в культе памяти их отца, вот Костя-де создал в школе кружок по изучению Есенина. "Ну и что же в этом плохого?" — спросила Зинаида молодого собюрократ в галстучке, который только-только начинал входить в моду. "Вы что же, считаете Есенина вторым Пушкиным?" — спросил укоризненно молодой деятель. "Нет", — ответила Зинаида, — я считаю его Есениным".

Вы помните, вы все, конечно, помните,

Любимые женщины великих

да... Мейерхольд казался довольным и рассказывал о своей трактовке пьесы Дюма, которую он хотел показать без своих обычных "выдумок". В Москве говорили, что Мейерхольду особенно хотелось показать красоту и шарм Зинаиды Райх. Казалось, ничто не грозило этим спокойным собеседникам, с интересом и вдохновением обсуждающим свои идеи и намерения. Никто не подозревал, что близко отсюда в недрах Лубянки, уже вставала тень, тень ужаса, муки и смерти...

В 1928 году Мейерхольд и Райх переехали в кооперативный дом, построенный известным архитектором Рербергом в Брюсовском переулке, близ Тверской. Две небольшие квартиры слили воедино, и получилась одна — четырехкомнатная: кабинет Мейерхольда, гостиная (она же и столовая, она же и комната Райх, она же и так называемая "желтая комната"), маленькая комнатка Кости, чуть больше — комната Тани Есениной.

В "желтой комнате" стоял овальный обеденный стол, стулья карельской березы, диван, тахта, дамский письменный стол Зинаиды Николаевны, буфет, трюмо, этажерка, рояль "Бехштейн". На стенах, где бледно-желтое поле было окаймлено тоненьким золоченым багетом, висели две картины: огромный портрет Райх, нарисованный углем Шестаковым, и полотно, подаренное Мейерхольду Фернаном Леже. Все было хорошо и удобно, но без всякой показной роскоши, что дало повод удивиться одному "эстраднему тузу": "Бедно, бедно живет ваш Мейерхольд".

Богатство Мейерхольда и Райх было в другом: в интеллектуальном и дружеском общении. В "желтой комнате" не раз сидели писатели Андрей Белый, Борис Пастернак, Николай Эрлман, Илья Эренбург, Юрий Олеша, композиторы Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев, Виссарион Шестаков, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, художники Кузьма Петров-Водкин, Петр Кончаловский, академик Николай Вавилов, нарком Максим Литвинсов, военачальники Михаил Тухачевский и Иван Белов, звезды западной культуры — Гордон Краг и Андре Мальро и другие. Много было молодежи: пианисты Лев Оборин и Владимир Софроничий, поэты Борис Корнилов и Ярослав Смеляков. Сам Мейерхольд так объяснял разнообразный подбор своих гостей: "Я не люблю людей хороших, я люблю людей талантливых".

Театральные интриги

Эренбург считал, что Райх — актриса редкого дарования. Но этот дар был вначале скрыт, и понадобился действительный Пигмалион, чтобы сотворить Галатею. Своим изумительным режиссерским искусством Мейерхольд из едва сияющего алмаза сотворил сверкающий бриллиант.

Дебют Райх как настоящей актрисы состоялся 19 января 1924 года в театре ГОСТИМа на Триумфальной площади. Премьерой стала роль Аксуси в пьесе Островского "Лес". "Прямой пророб. Коса. Огромные глаза. Простота в движениях..." — вспоминал ее партнер по сцене Эраст Гарин.

Мейерхольдовский театр выезжал на гастроли в Германию и во Францию. И везде публика и критика отмечали мастерство игры Райх, ее сценическое обаяние, темперамент, психологическую нюансировку роли. Были и такие критики, которые не принимали новаторских постановок Мейерхольда, но неизменно отмечали свой восторг перед игрой Райх. Один рецензент выразился буквально так: "Райх ист фюр мих, абер Мейерхольд ист гар нихт фюр мих" ("Райх — для меня, но Мейерхольд — совсем не для меня").

К сожалению, расцветшая Райх затмила другой яркий

ча и скрытно, боясь признаться в своем чувстве. И каково было ей видеть счастлившую соперницу? В итоге ей пришлось расстаться со своим любимым режиссером. 24 августа 1925 года в "Новой вечерней газете" появилась заметка "Уход Бабановой".

Райх стала примой, что, конечно, не всех устраивало и вызвало целый прибой критической волны. Появились ругательные рецензии. Ругали не только игру, но и наряды Райх. Так, в "Известиях" некий Осинский писал: "Женским театральным директорам можно рекомендовать большую воздержанность по части туалетов, сменять которые при каждом новом выходе ни в "Ревизоре", ни в "Горе от ума" никакой необходимости нет".

В монографии "Портрет Зинаиды Райх" Рудницкий отмечает, что "московские сплетницы любили посудачить о немислимо роскошных" и "баснословно дорогих" туалетах Райх — не только сценических, но и "жизненных". На самом деле Райх одевалась скромно и недорочно, не прибегая к услугам знаменитых портных, она просто хорошо знала "свой стиль" и тщательно обдумывала свои наряды — особенно вечерние, для дипломатических приемов".

Критические стрелы в Райх летели с разных сторон. Однажды Маяковский взял ее под защиту: "Вот говорят: Зинаида Райх. Выдвинули ее на первое место. Почему? Жена. Нужно ставить вопрос не так: он женился на ней, потому что она хорошая актриса".

Но это, конечно, очередной шутильный парадокс Маяковского. А вот мнение гениального артиста Михаила Чехова — выше которого и быть не может.

"Глубокоуважаемая Зинаида Николаевна! — писал Чехов в марте 1927 года. — Я все еще хожу под впечатлением, полученным мною от "Ревизора"... Всеволод Эмильевич бывает гениален, и в этом трудность совместной работы с ним. Если исполнитель Всеволода Эмильевича только поймет его — он погубит его замысел. Надо нечто большее, и это большее я увидел в Вас, Зинаида Николаевна... Что это большее в Вас — я не знаю, может быть, это сочетание с Всеволодом Эмильевичем в данной постановке, может быть, Ваш природный талант — не знаю, но результат поразителен. Поражает меня Ваша легкость в исполнении трудных заданий. А легкость — первый признак настоящего творчества... Вы, Зинаида Николаевна, были великодушны".

А потом была знаменитая постановка Мейерхольда "Дама с камелиями". Поэт Илья Сельвинский вспоминал: "Кого не потряс в "Дама с камелиями" выход Зинаиды Райх? В красном платье, в черном цилиндре вбежала она с завязанными белым платком глазами, управляя парой юношей во фраках и с бубенцами на шее". Очередная находка режиссера, и блистательное исполнение актрисы.

"Дама с камелиями" был очень красивым и эстетным спектаклем, он шел с неизменным аншлагом. Кого не волновала тема всепоглощающей любви и страсти (даже сталинский террор не смог приглушить интереса к этой вечной теме). Зинаида Райх нашла для своей героини Маргариты Готье и особые женские силы, и чары, и красоту. И главное — выразила трагизм героини при помощи очень скупых средств: горящих глаз и вибрирующего голоса, в котором, как заметил критик Юзовский, был истинный "трепет души".

"Каждый из нас, зритель, терял ее лично, — говорил музыкант Николай Выгодский. — Но вот на слова ее игру не переложить: в ней была духовная, мелодическая сила, излучающая особый свет".

В марте 1935 года Зинаида Райх в спектакле "33 обморока" в чеховском водевиле "Медведь" сыграла Попову. Образ лукавой и хитрой молодой вдовушки был полнотой

сий. Чуда не произошло, и 20 июня в Ленинграде был арестован Всеволод Мейерхольд. На документе, решившим судьбу великого режиссера, народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия синим карандашом (а это означало: расстрел) написал "Утверждаю".

В тот же день в Москве в квартире на Брюсовском был произведен обыск. Зинаида Николаевна была возмущена не только обыском, но и поведением тех, кто его проводил. В графе "Заявленные жалобы" она написала (такие дерзости обычно никто себе не позволял), что один из сотрудников допускал "грубый тон и огрызания". Проводившим обыск позже нагорело от их начальства "за недопустимость того, что в протокол заносится жалоба непосредственно обыскиваемым".

Это была последняя "роль" Зинаиды Райх: протест против униженной личности. А 24 дня спустя, в ночь на 14 июля 1939 года, Зинаида Николаевна была убитая. Ей было 45 лет.

Внучка Мейерхольда от первого брака Мария Валентина вспоминает:

"После ареста деда Зинаида Николаевна осталась одна. Таня с годовалым сыном жила на даче в Горенках, Костя уехал из родины Есенина в Константиново. С Зинаидой Николаевной оставалась работница Лидия Анисимовна. Я была у Зинаиды Николаевны дня за два до ее гибели... Помню, Зинаида Николаевна лежала на диване, была очень возбуждена, говорила, что сделала глупость, написав письмо Сталину..."

Убийство произошло около часа ночи, когда Зинаида Николаевна выходила из ванны... Говорили, что их было двое. Зинаиде Николаевне было нанесено семнадцать ножевых ран, но ни одного ранения в область сердца не было. Окна были открыты, соседи по дому слышали ее душераздирающие крики, но никто не вышел, думали, что Зинаиду Николаевну пришли арестовывать, все ждали ее ареста, и все знали, что после закрытия театра у нее случались истерические припадки. Она была очень сильна физически, видимо, сопротивлялась. Выскочили из квартиры убийцы через парадную дверь, бежали по лестницам и оставляли на желтых стенах кровавые отпечатки, вытирали руки об стены. Никаких вещей, ничего они не взяли, не грабили... Когда приехала милиция и вошла в квартиру, Зинаида Николаевна была жива, находилась в сознании, с нее снимали допрос. Потом ее увезли в больницу к Склифосовскому, умерла она по дороге от потери крови. Работница Лидия Анисимовна ничего никогда никому не рассказывала, была арестована, потом освобождена и исчезла куда-то...

Вот такая жуткая гибель, сочиненная не Дюма, а "писателями" с Лубянки. Проводить Зинаиду Николаевну в последний путь пришло мало людей: боялись. Сразу после похорон Райх ее детям — Татьяне и Константину было предложено в 48 часов освободить квартиру. В ней поселился личный шофер Берии и молодая сотрудница из аппарата НКВД.

Кто убил Райх? За что убил? Соответствующие ведомства и по сей день не дали ответа. О том, как мучили, избивали и в конце концов расстреляли Мейерхольда стало известно не так давно, а вот в деле Райх — непрозрачный туман.

Вот и все о судьбе Зинаиды Николаевны Райх. Она была необычная женщина. И необычная актриса. У нее была своя особенная женская стать, "говорящие глаза" и совершенно своеобразное умение ходить, "плавать по сцене".

Она была сама женственностью. Была. Какой горький глагол! Сменим его на другой, благодарственный: помним. Оставим в нашей памяти хотя бы маленький уголок для Зинаиды Райх. Она заслуживает этого.